

КРЫМ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Т.К. САВЧЕНКО

TKSavchenko@pushkin.institute

д-р филол. наук, профессор

Государственного института

русского языка

им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Ключевые слова:

*поэзия Серебряного века,
эмиграция первой волны*

DOI: 10.37632/PI.2020.280.3.002

В статье исследуется крымская тема в поэзии Серебряного века (Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Валерий Брюсов). Анализируется деятельность феодосийского «Литературно-артистического кружка» (ФЛАК) и его «альманах поэтов» «Ковчег» (1920), объединивший поэтов Москвы, Петрограда, Крыма, Одессы. Прослеживается видоизменение Крымского текста в эпоху Гражданской войны, его трагическая составляющая. Гражданская война характеризуется как величайшая национальная трагедия. Сопоставляется образ Каховки в советской поэзии (Михаил Светлов) и поэтическом творчестве белой эмиграции. Исследуется мотив прощания с Родиной в произведениях Георгия Иванова, Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Ивана Савина, Аллы Головиной, Бориса Поплавского, Ирины Кнорринг и др. Русская эмиграция первой волны характеризуется как уникальный опыт сохранения национального самосознания во всех сферах его проявления: религиозной, философской, научной, культурной и литературно-художественной.

Впервые упомянутый в таких памятниках древнерусской литературы, как «Корсунская легенда о крещении князя Владимира» и «Повесть временных лет», Крым прочно входит в национальное самосознание. Соотнесенность Крымского текста с Петербургским детально исследована в диссертации А.П. Люсого «Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста» (2003): многие литературные сюжеты, завязка которых происходила в Петербурге, развязку получали в Крыму. Эта особенность позволила ученому назвать Крымский текст «южным полюсом» мифа Петербургского. Исследователи Петербургского текста в свое время обратили внимание на то, что его творцами выступали преимущественно не уроженцы Петербурга, а «иностранцы», потрясенные встречей с ним: то же можно сказать и о Крымском тексте. Если Петербургский текст был порожден Петербургским мифом, то Крымский – мифом Тавриды, и Крым имел особое притяжение для наших писателей-классиков: А.С. Пушкина (его «Юрзуф»), В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского, А.К. Толстого и многих других русских поэтов XIX в.

Крым оставил значительный след в литературе (в частности, в поэзии) Серебряного века. В Коктебеле провела несколько лет своей жизни П.С. Соловьева (Allegro), к Волошину («петербуржцу и крымцу», по характеристике М.И. Цветаевой) туда же на летний отдых в разные годы приезжали, кроме Цветаевой, В.Я. Брюсов, А. Белый, Н.С. Гумилев и другие, в Судаче жили А.К. Герцык и С.Я. Парнок. В годы революции и Гражданской войны в Крыму – Коктебеле, Судаче, Феодосии (откуда «недалеко до Смирны и Багдада») – создавались творческие объединения писателей, музыкантов, актеров, режиссеров. Феодосийский «Литературно-артистический кружок»

(ФЛАК) в апреле 1920 г. выпускает «альманах поэтов» «Ковчег», объединивший поэтов Москвы, Петрограда, Крыма, Одессы (М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам, С.Я. Парнок, И.Г. Эренбург, М.А. Волошин, А. Фиолетов (Н.Б. Шор), Э.Г. Багрицкий и др.).

Невозможно перечислить всех поэтов Серебряного века, включивших свои произведения в крымский контекст. Лишь некоторые имена: «коктебельский отшельник» М.А. Волошин, О.Э. Мандельштам, выверивший строфику и метрику стихотворений крымской тематики и вписавший их в античный контекст: «В каменистой Тавриде наука Эллады...». Его строки «Золотистого меда струя из бутылки стекла / Так тягуче и долго, / Что молвить хозяйка успела: / – Здесь, в печальной Тавриде, / Куда нас судьба занесла, / Мы совсем не скучаем, – / И через плечо поглядела...» [7: 97] проверены экспериментально. Свое видение Крыма оставила А.А. Ахматова (когда-то «приморская девчонка» Аня Горенко), навсегда запомнившая Владимирский кафедральный собор в Херсонесе, воздвигнутый на возможном месте крещения в 988 г. киевского князя Владимира: «Все глядеть бы на смуглые главы / Херсонесского храма с крыльца / И не знать, что от счастья и славы / Безнадежно дряхлеют сердца» («Вижу выцветший флаг над таможенной...») [1: 60].

Марина Цветаева в первый раз приехала всей семьей (с родителями и сестрой) в Крым подростком в 1905 г. (Севастополь, Ялта). В апреле 1909 г. она едет туда гимназисткой на пасхальные каникулы вместе с группой соучениц. Ее крымские впечатления тех дней – в письме В.И. Цветаевой: «Если бы ты знала, как хорошо в Ялте! Я <...> целый день на воздухе, то у моря, то в горах. Фиалок здесь масса, мы рвем их на каждом шагу» [12: 31]. «Цветет абрикосовое дерево, море синее, со мной книги...» (М.А. Волошину из Гурзуфа, апрель 1911) [12: 44], и все здесь перечисленное – составляющие понятия «счастье». Испытывавшая постоянную потребность в дружбе и любви, мгновенно сходявшаяся с людьми, близкими ей по духу («Я к вам приручилась за эти несколько дней» – П.И. Юркевичу 22 июня 1908) [12: 17], она находит в Волошине родственную душу: «То, что вы пишете о море, меня обрадовало. Значит, мы – морские? <...> Как хорошо совпало!» (Волошину от 18 апреля 1911, Гурзуф) [12: 48]. Она будет отмечать его (не только «коробейника идей», но и «коробейника друзей») «бережность, терпение, внимание, <...> сотворчество» и утверждать, что ему «обязана первым самоосознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет

(от «лето») в его прекрасном суровом Коктебеле...» [12: 402].

Коктебель она будет называть отныне местом ее души. О встрече 5 мая 1911 г. «на пустынном, усеянном мелкой галькой коктебельском, волошинском берегу» Цветаевой и С.Я. Эфрона напишет в своих «Воспоминаниях дочери» А.С. Эфрон [13: 50]. С этого времени начинается постоянная цветаевская тоска по Коктебелю, которую в Москве она пытается заглушить, роясь «в узле с <коктебельскими> камешками»: это занятие станет для нее отныне лучшим способом уйти, отвлечься от житейских бурь.

В Крыму будет создано огромное число цветаевских стихотворений. Только некоторые из них: «Идешь, на меня похожий...», «Моим стихам, написанным так рано...», «Солнцем жилки налиты – не кровью...», «Вы, идущие мимо меня...», «Сердце, пламени капризней...», «Аля» («Аля! – Маленькая тень...»), «Генералам двенадцатого года», «Я с вызовом ношу его кольцо...», «Але» («Ты будешь невинной, тонкой...»), «Байрон» и «Встреча с Пушкиным» (в которых пытается осознать и свое место в ряду двух ее поэтических кумиров), «Уж сколько их упало в эту бездну...», «Над Феодосией угас...» и мн. др. В Феодосии написаны первые стихи, обращенные к П.Я. Эфрону: впоследствии они составят поэтический цикл из семи произведений «П.Э.».

В апреле – августе 1913 г. Цветаева гостит в Коктебеле с мужем и дочерью. В ноябре – декабре 1913 г. в Ялте сестры Цветаевы (дуютом) выступают на литературных вечерах вместе с Волошиным, и газета «Крымское слово» публикует восторженные отзывы о них. «Сейчас вся Феодосия в луне <...>. В Феодосии – ослепительные сверкающие дни» (М.С. Фельдштейну, 11 декабря 1913) [12: 114]. Новый 1914 г. сестры Цветаевы встречают у Волошина в Коктебеле. Весной этого года в Феодосии у Марины постоянное ощущение праздника, что хорошо видно из ее писем этого времени В.В. Розанову: «Сейчас во всем моем существе какое-то ликование» (7 марта 1914) [12: 119]; «Сейчас так радостно, такое солнце, такой холодный ветер...» (8 апреля 1914) [12: 121]. Она вновь приезжает в Крым летом 1914 г., май – июль 1915-го проводит в Коктебеле вместе с С.Я. Парнок. В 1917-м обдумывает переезд в Крым всей семьей: «В Москве безумно трудно жить. Как бы я хотела перебраться в Феодосию!» (9 авг. 1917) [11: 119]. Она приедет в Коктебель в октябре, а в последний раз – в ноябре 1917-го. Побывать в Крыму Цветаевой более не удалось. «Коктебель 1911 г. – счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам

К 100-летию «русского исхода»

не затмить того сияния», — признается она 17 августа 1921 г. в письме Е.О. Кириенко-Волошиной [12: 81].

Любопытно складывались отношения с Крымом у В.Я. Брюсова, неоднократно там бывавшего, в том числе незадолго до смерти, и посвятившего этому краю не только отдельные стихотворения, но и поэтические циклы. На первый взгляд может показаться, что поэт-символист — единственный из поэтов Серебряного века, искренне пытавшийся, но так и не сумевший проникнуться прелестью этого края. Его небольшой поэтический цикл «Скитания» (1896) представлен лирическими миниатюрами в два-три катрена, написанными в том числе в Крыму. Произведения цикла фиксируют памятные мгновения жизни юного лирического героя, как, например, созданное «близ Симферополя в вагоне» стихотворение «Софии С., подарившей мне лепесток розы» [2: 113]. В стихотворении, созданном в Ореанде («Четкие линии гор...», в рукописи помета — Ялта), лирический герой отдает предпочтение не живой природе, но созданному «в тайных мечтах» миру природы идеальной: «Что перед ним этот прах: / Степи, и скалы, и воды!» [2: 111]. «Вечен только мир мечты» — рефрен стихотворения «Есть что-то позорное в мощи природы...» [2: 112]. В письме П.П. Перцову этого же времени (19 июля 1896) Брюсов признается, что он «бесконечно разочарован»: «Я смотрел и напрасно искал в себе восхищение» [10: 77].

Следующая встреча Брюсова с Крымом (Ялта, Феодосия, Алупка) относится к 1898 г. Первоначально это предвкушение поездки («Жду Крыма» — московская запись в дневнике от 3 апреля) [4: 50]. В Крым писатель приезжает с мыслью «буду учиться любить природу...» (15 апреля) [4: 51]. Ялтинская запись от 19 апреля: «Пять дней жизни с природой. <...> Хорошо!» Воображение Брюсова поражают «парки с магнолиями, олеандрами, миртами, лаврами, миндальные и оливковые рощи, аллеи из кипарисов, разноцветная зелень, мрамор колонн, увитых плющом». «Сказочная страна! Таврида! Верись <...> что есть прелесть в природе» [4: 51]. Прилежно пытаюсь «полюбить природу», поэт записывает 22 апреля 1898 г.: «Делаю все, что подобает туристу и любителю диких красот: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Но я буду виноват, если и теперь не сумею «полюбить» природу» [4: 51]. Уезжая из Крыма, поэт заключает (запись от 28 апреля): «Все это хорошо, но и мертво очень. Море еще как будто живое, но это обман, подделка под жизнь» [4: 52]. И только годы спустя в «Детских и юношеских воспоминаниях», опубликованных

после смерти Брюсова в 1926 г., он, объясняя свое декадентское позерство тех лет, обмолвится многозначительным признанием: «Мне <...> не хотелось «уступить» обаянию природы и я упорно заставлял себя видеть в ней несовершенства» [2: 583].

В годы Гражданской войны Крымский текст видоизменяется: отныне в качестве основной составляющей в него входит трагическая нота: «...Но Император сходит с трона, / Прощая все, со всем простясь, / И меркнет Русская корона, / В февральскую скатившись грязь» [6: 530]. В январе — марте 1920 г. четыре тысячи добровольцев Крымского корпуса генерала Я.А. Слащева защищали полуостров от многочисленных попыток его захвата силами Красной армии общей численностью в сорок тысяч бойцов. «Нас было мало, слишком мало...» — будет вспоминать те дни казачий подъесаул Н.Н. Туроверов. (Любопытно отметить: среди участников боев за Перекоп — красноармеец А.А. Власов, будущий генерал Советской армии, в годы Великой Отечественной войны организатор и командующий РОА, тогда еще прочно стоявший на позициях советской власти.) В 1920 г. в районе Каховки белым не удалось уничтожить плацдарм Красной армии на левом берегу Днепра, что привело к последующему их отступлению за Перекоп в Крым. Если для красных символом боев в Каховке станет легендарная тачанка, воспетая в советской поэзии («Песня о Каховке» М.А. Светлова), то в поэзии белой эмиграции Каховка связана с трагедией отступления: «Как бились страшно наши под Каховкой, / Мучительно отстаивая Крым...» [5: 127].

Переломный момент «белого» и «красного» противостояния в Крыму — взятие Перекопа (Перекопско-Чонгарская операция). Командарм М.В. Фрунзе предлагает главнокомандующему Русской армией генералу П.Н. Врангелю капитулировать, но не удостоивается ответа. В ноябре 1920 г. Крым окончательно покидает Добровольческая армия: с окончанием Гражданской войны начинает отсчет первая волна русской эмиграции. Отныне образ отплывающего корабля будет символизировать образ потерянной родины в творчестве и тех поэтов, участников Белого движения, кто волевал не собственно в Крыму, а в других местах, например, в Сибири, как А.И. Несмелов, поручик армии А.В. Колчака: «Россия отошла, как пароход / От берега, от пристани отходит» («О России») [9: 103].

О «не склонивших в пыль головы / На Кубани, в Крыму и Галлиполи» («Огневыми цветами осыпали...») [8: 2: 236] писал Иван Савин (Саволайнен), кавалерист Добровольческой армии,

ушедший на фронт студентом Харьковского университета, четверо братьев которого погибли в Крыму: двое в бою, другие два, артиллеристы, расстреляны красными в Севастополе. «Своеобразность», «красоту и силу» стихов Савина, «поэта Белой мечты», прожившего ослепительно короткую жизнь (двадцать семь лет), отмечал взыскательный И.А. Бунин, называя их «незабвенной страницей» русской литературы [3].

Романтикой Белого движения проникнуты посвященные добровольцам, покидающим родной русский берег, стихи Аллы Головиной: «Их увезут в ночи угрюмой / Серебряные корабли <...> В последний раз они, томясь, / Пойдут покорно и без жалоб... / Но ангелы счищают грязь / С воздушных мостиков и палуб...» [8: 4: 83]. В стихотворении «Уход из Ялты» («Борт парохода был высок, суров. / Кто там смотрел, в шинель засунув руки?») наиболее крупного из молодых поэтов эмиграции Бориса Поплавского с утратой для лирического героя России («России нет!») навсегда утрачено понятие счастья: «Что ж, будем верить, плакать и гореть, / Но никогда не говорить о счастье» [8: 3: 6]. «Россия! Печальное слово, / Потерянное навсегда...» – повторяет лирическая героиня Ирины Кнорринг [8: 3: 144]. Покинувшая Россию ребенком вместе с родителями, поэтесса всю свою творческую жизнь будет считать утрату России величайшей личной трагедией: «Зачем меня девочкой глупой / От страшной родимой земли, / От голода, тюрем и трупов / В двадцатом году увезли!» [8: 3: 144].

Русские поэты-эмигранты, рассеянные по всему миру, будут воссоздавать приметы Крыма в своих произведениях. Уходящий дымный контур Аю-Дага навсегда запомнит Николай Туроверов («Отплытие»). Крымские топонимы – Бахчисарай, Чуфут-Кале – в стихах Софии Прегель. Крым как воплощение рая – в творчестве Аллы Головиной: «Сказать – Эдем, подумать – Крым...» [8: 4: 83]. Аккерманских рыбаков вспоминает Анатолий Гейнцельман («Змеиный остров»), о древней Пантикапее (Керчи) пишет Юрий Терапиано («Пантикапея»). Цветы в Мисхоре оживают в памяти Владимира Дукельского («Два доллара»). О том, как «шесть лет назад <...> отошли от берегов России» («Стучались

волны в корабли глухие...» [8: 3: 141], пишет в 1926-м Ирина Кнорринг. «Мы ни в чем пред тобой не виновны...» [8: 2: 135], – вновь и вновь будет перебирать в памяти недавние события Вячеслав Лебедев («Крым»).

Навсегда запомнит «добровольческую осень <...> в Крыму» («Мы ничего ни у кого не просим...») [8: 2: 248] Николай Туроверов. Его стихотворение «Крым» датируется 1940 годом: два десятка лет боль отступления не отпускала поэта. Здесь отсутствуют художественные образы и метафоры – есть только голая правда «человеческого документа», трагедия офицера-кавалериста: «Уходили мы из Крыма / Среди дыма и огня. / Я с кормы все время мимо / В моего стрелял коня...» [8: 2: 241]. Вплоть до своей смерти той же болью мучился Георгий Иванов: «И сорок лет спустя мы спорим, Кто виноват и почему. / Так в страшный час над Черным морем / Россия рухнула во тьму» [6: 547].

Русская эмиграция – явление уникальное в мировой истории: родину покинули более двух миллионов человек. Отныне русская литература была разделена на два лагеря: писатели метрополии создавали советскую литературу, уехавшие в эмиграцию – литературу Русского зарубежья. География «русского рассеяния» обширна: это Европа (Чехия, Сербия, Франция, Германия, Болгария), на востоке – Китай. В одном только Париже в 1920-е гг. проживало более 150 000 русских эмигрантов. За рубежом оказались К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, П.И. Потемкин, А.Т. Аверченко, Н. Тэффи, М.А. Алданов, В.Ф. Ходасевич, Г.В. Иванов, И.-Северянин, Г.В. Адамович, Г.И. Газданов, В.В. Набоков, И.В. Одовцева, Дон-Аминадо (А.П. Шполянский), А.И. Несмелов, А.Н. Вертинский и многие-многие другие.

В эмиграции русская литература переживала тяжелейшие времена, но ее вклад в русскую культуру огромен. Литература Русского зарубежья первой волны – это уникальный опыт сохранения национального самосознания во всех сферах его проявления: религиозной, философской, научной, культурной и литературно-художественной. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. / Сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. Т. 4. М., 2000.
2. Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. / Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. Т. 1. М., 1973.
3. Бунин И. Наш поэт. (Иван Савин) // Возрождение. Париж, 1927. 4 августа, № 793.
4. Валерий Брюсов. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М., 2002.

К 100-летию «русского исхода»

5. Дубровина Ю.М. Литература русской диаспоры. М., 2020.
6. Иванов Г. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. Е.В. Витковского. Т. 1. М., 1994.
7. Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Мец. Т. 1. М., 2009.
8. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990: В 4 кн. / Сост. Е.В. Витковский. М., 1997.
9. Несмелов А. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко. М., 1990.
10. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. М., 1927.
11. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997.
12. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Т. 6. М., 1995.
13. Эфрон А.С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989.

References

1. Akhmatova A. Sbranie sochineniy (6 v.). V. 4. M., 2000.
2. Bryusov V. Sbranie sochineniy (7 v.). V. 1. M., 1973.
3. Bunin I. Nash poet. (Ivan Savin) // Vozrozhdenie. Paris, 1927. 4 August, № 793.
4. Bryusov V. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma. M., 2002.
5. Dubrovina Yu.M. Literatura russkoy diaspory. M., 2020.
6. Ivanov G. Sbranie sochineniy (v 3 v.). V. 1. M., 1994.
7. Mandelshtam O. Polnoe sbranie sochineniy i pisem (v 3 vols.). V. 1. M., 2009.
8. «My jili togda na planete drugoy»: Antologiya poezii russkogo zarubejya: 1920–1990. Vols. 1–4. M., 1997.
9. Nesselov A. Bez Moskvy, bez Rossii: Stikhotvorenia. Poemy. Rasskazy. M., 1990.
10. Pis'ma V.Ya. Bryusova k P.P.Pertsovu. M., 1927.
11. Saakians A. Marina Tsvetaeva. Jizn' i tvorchestvo. M., 1997.
12. Tsvetaeva M. Sbranie sochineniy (7 v.). V. 6. M., 1995.
13. Efron A.S. O Marine Tsvetaevoy: Vospominaniya docheri. M., 1989.

T.K. Savchenko

Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

CRIMEA AS SEEN BY RUSSIAN POETS OF THE SILVER AGE: NOTES FOR THE CENTENARY OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION

Poetry of the Russian Silver age, first wave of Russian emigration.

The article explores the image of Crimea in Russian poetry of the Silver Age (Osip Mandelshtam, Anna Akhmatova, Marina Tsvetaeva, Valery Bryusov). The activity of the Feodosia *Literary and Artistic Circle* receives special treatment. *Kovcheg (The Ark)*, an «almanac of the poets» published by this movement brought together poets from Moscow, Petrograd, Crimea, and Odessa. The transformation of the *Crimean text* during World War I and the underlying tragic dimension are analyzed. The Civil War is characterized as a major national tragedy. The article shows how different was the image of Kakhovka in Soviet poetry (Mikhail Svetlov) and that of the White émigrés, and explores the «farewell to the Homeland» motive in the works by Georgy Ivanov, Arseny Nesselov, Nikolay Turoverov, Ivan Savin, Alla Golovina, Boris Poplavsky, Irina Knorring et al. The first wave of Russian emigration was a unique experience of preserving national identity in all its spheres: the religious, philosophical, scientific, cultural, literary and artistic ones.